

Люблю наш театральный клан, его сборища, слеты, собрания, актеров, режиссеров, художников, работников театра и тесно притеатральной публики, поклонников и родственников, близких друзей, «своих», из которых клан, в основном, и черпает пополнение.

Ненавижу прилипшее к языку слово «тусовка», оно вульгарно и лепится теперь к чему ни попадя, пусть уж оно останется молодежи — она его придумала, пусть и пользуется, кто постарше могут, мне кажется, обойтись и другими словами.

Я люблю свой клан, к которому и сам имею честь принадлежать, за его жизнестойкость, за талантливость, за братство и драгоценное чувство родства, причем истинного, глубокого. Артистов издавна любили и издавна же поносили, презирали, клеймили дьявольскими метками, не хоронили даже, все это знают, на общих кладбищах. А артист садился всегда каждый вечер перед зеркалом, ставил перед собой корбочку грима, нахлобучивал парик и шел делать свое дело. Домгрыбался кое-кто и до президентских кресел, между прочим.

Что нам делать с нашим бескультурьем?

Мы теперь все стонем и вопим: нет денег, культура гибнет, театр погиб, деньги, спонсоры, деньги, деньги.

На мой взгляд, страшнее другое, девятый вал (по хронике, пожалуй, что уже и девятый, даже если семьдесят разделить на десять, пять и как угодно еще), девятый вал хамства, безкультурья и темноты, который валится на культуру.

В одной умной книжке я прочитал, что народ, масса, демократия легче и проще довольствуются дотмой, аксиомой: мол, не может же каждый человек сам по себе искать истину, у него не хватит на это ни сил, ни времени. Правильно. Поэтому демократии, кстати, так необходима и полезна религия: идея Бога априори перекрывает множество ненужных вопросов, исканий и иных действий.

Наш XX догорающий век был и останется веком демократий, революций и... тяжких испытаний, выпавших на долю культуры. Везде и повсюду. Ну, давайте вспомним, давно ли в Европе с пренебрежением и издевкой глядели на американца, толстосума с сигарой в зубах, который хамски клал ноги на стол, не знал этики и мейн, пардон, белье раз в неделю, вроде русского мужика (хотя в то же примерно время русский барин, аристократ и неженка, с меньшей, чем у янки, сумой денег принимался Парижами с распростертыми). Но миновало время, и Америка с тем же размахом, с каким она все делает,

детского гурда, за подлинную работу (ну не за эксплуатацию, конечно), но за работу. И пусть будет детский банк, пожалуйста, и деньги свои у детей — ради Бога, авось это будет помогать им жить в новом (теперь уже по-иному новом) мире.

Да, да, пожалуйста, придумывайте, изобретайте, и пусть сами дети тоже выбирают и ищут, что им лучше. Но в пачки денег, кофемолки, кассетники и прочие дефициты я бы все же с детьми не играл. Мне кажется, что истинная культура этого все-таки не позволяет.

«Нет ничего ужасней вырождения», — написал поэт Олег Чухонцев. И мне представляется, что на нашем телевидении, в частности, некоторые ранее увлекательные и популярные программы тронул глеч вырождения. Кое-что требует культурной ревизии — это несомненно. Например, уже всем ясно, что КВН слишком уж «гуляет по буфету» или, скажем, так называемая сатира уже до того забила экран и грешит такими повторами, что тоже иной раз прямо-таки хочется вмешаться. Не могу, например, слышать, как мой добрый друг, хороший писатель и человек несомненно тонкого вкуса читает на потребу ржущей аудитории, прямо сказать, полуприличный и полухороший рассказец с явным на лице «и так сойдет» (простите уж, маэстро Аркадий Михайлович Арканов, при случае готов поднять перчатку).

Все на потребу, все на продажу, все какому-то псу под хвост. Ну зачем братцы? Ну не в деньгах счастье, как говорил Мих. Мих. Зощенко. Ведь не нравится нам, например, запрудившая город палаточная спекулянтская прода-

он. Они дали миллион. Все просто. Вспомним пушкинское: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать».

Конечно, зрительский, читательский уровень весьма упал, несомненно публика пробавляется отнюдь не образцовыми вещами и не самыми возвышенными, но, однако, хорошую и нужную книгу покупают и за пятьсот рублей и более, а билеты в Большой даже за валюту, когда надо. Я о другом: о том, чтобы книги эти все-таки были (образцовые) и Большой был на месте.

Культурный заслон против пошлости и перекупщиков, и спекулянтов от искусства можем держать только мы сами — профи, элита, назовите, как угодно, соль земли. Но только сами и внутри себя мы можем и должны держать уровень.

Когда на наших собраниях, юбилеях или похоронах кто-то сморозит, бывает, глупость, банальность или бестактность, по всем проходит один и тот же вздох — давайте перенесем эту кривую усмешку повыше и по более важным причинам.

Время от времени появляется необходимость вернуться к гамбургскому счету (по Шкловскому) и возжечь новое созидание против нового вырождения.

Я не очень хорошо знаю змеинный клубок страстей, раздирающих, кажется, опять телевидение, и не собираюсь, Боже упаси, как-то влезть в это, кому-то досадить, кого-то поддерживать. Нет, я слишком понимаю, какую нагрузку несет на себе сегодня ТВ. Но знаю одно: без отбора, без новизны, без талантов мало что выйдет. Пришло новое поколение, которое опять надо просвещать, учить правильно говорить, сидеть за столом и правильно поступать.

Но все же, сколь бы я ни ворчал (и иные тоже), за семьдесят лет народ выучился по крайней мере грамоте, а в 1917-м, например, каждый ребенок после 9 лет (73 процента народа) был просто неграмотен. Нет, повторю, я не вмешиваюсь, но все-таки лучше, когда Дмитрий Сергеевич Лихачев рассказывает о любимых им старых садах и усадьбах, нежели замечательная Клара Новикова в тысячу семьсот сорок шестой раз продает бабам на 8 Марта свою тетю Сою.

Конечно, хорошо бы в конце-то концов (уж сколько лет говорится) отделать по каналам футбол от симфоний и мультики от газопроводов, но я исхожу из реалий и зову только к правильной организации управления и труда.

Кажется, не нужно перечислять и повторять, какие ценности у нас есть (культурные) и какие силы, люди, — наш долг все это уберечь, умножить и тем монолитом сдерживать бушующее дерьмо, тем более, что эта буря еще только в самом зародыше, дальше господин капитал будет гулять, как захочет.

Но мне кажется, все стоны и все басы о погибшей России, генофонде, смерти искусства, театра, литературы сильно преувеличены, и войско культуры еще вполне боеспособно, многочисленно и серьезно. И нам не ручонку за подавляющим надо протравить, а выше голову держать и работать свою работу по высшему классу.

Утопия? Прекраснодушные? Возможно.

Но я предпочитаю оставаться идеалистом рядом с молодыми людьми, у которых глаза белые от алчности, а выговорить ноют они не могут — только конфитор.

Михаил РОШИН.

Рисунок Константина Валова.

КУЛЬТУРНЫЙ ЗАСЛОН

вырастила и выпестовала свою интеллигенцию, создала, например, за короткое время, буквально у нас на глазах, свой театр, вложила миллиарды в дело культуры.

Но речь, конечно, не об американцах, они-то разберутся. Буквально 1 января смотрю я по «ящику» знаменитое и столь любимое народом «Поле чудес». Напомню, это была та передача, в которой участниками были дети. Дети крутили заповедное колесо, дети глубоко-мысленно морщили лбы и обращали лица к небу, гадая, когда явно не знали нужного слова или буквы, дети радостно выигрывали, дети передавали привет через экран родителям и друзьям. И детям же... выносили призы, шкатулочки, пачки денег, а потом набросали на барабан для суперигры карточки с кухонными комбайнами, кофемолками и «мерседесами» (возможно, в тот раз именно «мерседесов» не было, не помню).

Когда-то в детстве под школой мы играли в расшибалочку, монета отлетала от стены и должна была лечь на чужую. Нам влетало за эту игру: уж так велось в России, сколь помнится, что детям на деньги играть было грешно (кроме лото, может быть).

Хорошо, далее. Я просто делюсь своими впечатлениями от той первоянварской до восторгов азарта доведенной игры — она, естественно, напоминала старую сказочку про Ганса с дудочкой, который увел однажды из города всех детей.

Может, я толкую по-старому, но мне кажется, мы как всегда смешиваем ценности и стоимости, ценности и цены.

Ей-Богу, мне нравится «Поле чудес», я не бросаю в него камень, но я пытаюсь понять, где проходит черта.

Игра — есть ценность люди играют от колыбели до старости, но есть и свои табу, не так ли? Никто же не душит на сцене Дездемону всерьез и не пронзает друг друга настоящими шпагами. Отвратная, вынужденная и хамская, в сущности, жажда денег сегодня зацепляет и нашу игру — и малую, и большую. Жаль, что и детскую тоже. И вот тут-то хорошо бы разобраться.

Хорошо бы такой игре поставить заслон. Я скорее склонюсь к оплате

Пьесы Михаила Рошина были глотком свежего воздуха, который помогал продержаться, когда кругом гнило и разлагалось. Для «ЭС» с момента возникновения газеты Рошин — один из тех авторов, чье спокойное и взвешенное слово — та же чистая струя в сегодняшнем смердящем смерче.

Признаваясь в нежной симпатии к юбиляру, «ЭС» рассчитывает на дальнейшее многолетнее сотрудничество.

10 февраля Михаилу Рошину исполнилось шестьдесят.

жа всего и вся — некрасиво, грязно, пошло.

Я отнюдь не ярый борец против коммерциализации искусства. Я даже понимаю, что тому же телевидению не прожить, скажем, без рекламы. Но зачем же так бездарно, так бесконечно одинаково, так мерседесно, когда у людей на молоко не хватает? Это тоже, между прочим, относится к культуре — не жрать кусок шоколада, когда на тебя голодные дети смотрят. Не так ли?

Искусство и коммерция всегда и вполне сосуществовали, и хорошему мастеру за хорошую вещь и платили хорошо. Есть шутка, что это русские придумали слово «любовь», чтобы денег не платить. Примерно то же самое с нашим искусством. Уравниловка научила платить 300 рз за печатный лист и Пушкину, и Лягушкину, не глядя на качество. Дотации в какой-то мере развращали театры, уж не говоря о том, что кто платил, тот и музыку заказывал. Нет, я за оплату по труду, по таланту (к сожалению, сей принцип — по труду — не существует у нас вообще нигде), и если картина заслуживает ста тысяч, она столько и должна стоить (так продаваться).

Как-то в Америке я спросил драматурга Теннесси Уильямса (возможно, лучшего в нашем веке драматурга), сколько ему заплатили за его последнюю пьесу, он ответил: театр ее очень хотел, и я сказал, что она стоит милли-

сать для себя, поскольку песня эта патриаршая, именная.

Ребята в ансамбле в основном молодые, самому старшему Дмитрию Шарову, гармонисту, тридцать шесть, а так в основном кому семнадцать, кому двадцать. Может быть, самой заметной фигурой на выступлениях является Олег Шпаков. Это и его заслуга, и коллектива, создавшего номера с цирковыми аттракционами. Исполняется «Камаринская» или «Во горнице», и вдруг один из танцоров взлетает в сальто, делает кульбит или прохаживает «колесом». Это — Олег. Он закончил эстрадно-цирковое училище у И. Федосова, но его учителем является и великий Махмуд Эсамбаев. Он научил Олега отношению к профессии, постоянной готовности к самоотдаче. Благодаря учителю, Олег обрел то, что называется «кураж». Когда смотришь на выступление группы, понимаешь, что у них хороший, добрый мир общения, где каждому есть свое место и свое дело.

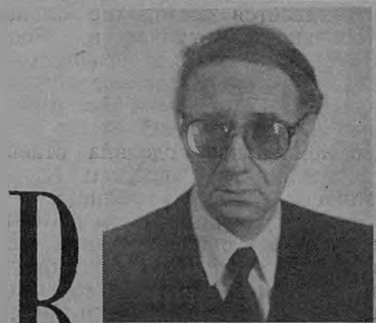
Сейчас очень много говорят и пишут о возрождении традиций, но традиции — не канон, и они требуют развития. Может быть, слишком по-современному и пошловато звучит «фолк-

На перекрестке жанров

шоу группа», этакая смесь «французского с нижегородским», но дело не в том, как они себя сами величают, а в том, какое искусство исповедуют. В их номерах «Коробочка», «Варенички», «Надриль» столько удали, столько ярмарочного, балаганного, что невольно перед глазами встают картины русского быта, того уклада, который почти уже исчез, и сохранить который необходимо. Мы не ценим, иностранцы оценят. Я видел, как аплодировали гости из Германии во время концерта, посвященного вручению награды имени С. Эйзенштейна сценаристам в Доме кинематографистов. И уж если заморские гости ценят, нам сам Бог велел радоваться выходу этих артистов на сцену. Они на это рассчитывают. Как там поется в одной из песен: «На что кудри завивали, чтобы девки целовали».

Вадим МИХАЛЕВ.

СТАРЫЙ ФИЛЬМ

В КОНЦЕ 1880-х годов Оскар Уайльд, рецензируя одну из первых биографий своего старшего современника и собрата по перу и художественному мировидению Данте Габриэля Россети, писал: «В былые времена мы канонизировали наших великих людей, ныне мы их опощаем».

Уайльдовский афоризм вспомнился мне, когда, уже за полночь, я ненароком включил телевизор. В нем, сменяя одна другую, резвились «ночные страсти». В меру живописное, в меру безвкусное, очередное эстрадно-информационно-балаганное поурри имело все шансы забыться, однако мое внимание привлек-

ли двое ведущих в костюмах XVIII века. Из их галантной беседы за табльдотом я скоро уловил, что кавалер — не кто иной, как оставивший по себе на редкость стойкую и зловещую память в веках маркиз де Сад, а дама — по всей видимости, одна из его потенциальных жертв и партнерш-либертинок.

Не кажется ли вам, дамы и господа российские телезрители, что мы становимся свидетелями поистине странных... не сближений в эпохах, вкусах и исторических аналогиях, а скорее смещений во вкусовых пристрастиях теперешних законодателей отечественных СМИ? Не хотел бы показаться ретроградом и, видя Бог, не считаю, что демоническим образом маркиза де Сада следует пугать несовершеннолетних. (Кстати, на финальном этапе затянута плетью с шансонетками, цыганами, кришнаитами, ананасами в шампанском и неаппетитными голыми телами на фоне анапских пляжей он, словно в напоминание о бунтовской «Дневной красавице» и поставленной Луи Маллем новелле «Уильям Уилсон» — из фильма по мотивам «готической» прозы Эдгара По «Три шага в бреду», — отхлестал-таки плетью по мягким местам свою охочую до острых ощущений подружку).

Однако считаю, что, подобно любой сложной и противоречивой личности, жившей в любую эпоху, этот острейший и парадоксальнейший ум века Просвещения, доведший до логического предела идею Руссо о «естественном человеке», заслуживает хотя бы попытки прочтения и осмысления прежде, чем быть бездумно и бестрепетно спародированным. (А первое ныне нетрудно: его книги, на протяжении полутора веков томившиеся в спецхранах всех государств Европы и Америки, сегодня, в обстановке нашего псевдоинформационного «плюрализма», не в пример доступнее, нежели сочинения его современников и оппонентов — к примеру, того же Руссо; надо лишь дать себе труд, преодолев поверхностный эротический флер романов и новелл «божественного маркиза», пленявшего воображение Аполлинера и Камю, пробиться мыслью к глубинам его действительно новаторских философских обобщений).

И ведь нынешнему поколению не отпереться ссылкой на отсутствие нужной

Травестия культуры?

информации или неготовность профессиональных кругов ее предоставить. Скажем, о том же де Саде: помимо переводов — терпимых, но в целом оставляющих желать лучшего, — его произведений к услугам интересующихся — не так давно выпущенная РИК «Культура» интереснейшая антология философско-культурологических текстов «Маркиз де Сад и XX век», объявляющая едва ли не весь цвет научного интеллекта Франции, от М. Бланшо и Ж. Батая до С. де Бовуар и Р. Барта. Есть и поразительные примеры художнического проникновения: такие, как изданная и у нас пьеса Питера Вайса «Марат-Сад», в начале 60-х явившаяся на Западе сенсацией политического театра номер один, а затем экранизированная Питером Бруком. Весома свидетельствующая о плодотворности брехтовской традиции в драматургии, она ярко высветила трагические тупики как авторитарно-аристократического индивидуализма, воплощенного в учении де Сада, так и носящего отчетливо тоталитаристские обертонны эгалитаризма «друга народа» Марата.

Пять или шесть лет назад мне довелось увидеть ее на сцене в любопытной постановке Эмиля Салимова; однако в пору громкого обсуждения всеми и вся возможных путей становления нарождающейся демократической государственности в России ее что-то не видно на подмостках наших театров. А жаль... Невольно приходит на память гениальный в своей исчерпывающей лаконичности финал позднейшей из виденных мною (на обширной авторской ретроспективе весной прошедшего года) лент Жана Люка Годара «Германия девять ноль».

Как бы подхватив нить повествования, начатого антиутопическим фильмом «Альфавиль» (1965), режиссер «воскрешает», спустя четверть века, его главного героя (роль которого в обеих картинах исполняет один из любимых актеров Годара Эдди Константин). Воскре-

шает в переломный для судьбы персонажа и судеб всего мира исторический момент — момент объединения двух Германий.

..Итак, заброшенный много лет назад на Карлмаркштрассе, ГДР, секретный агент западных спецслужб отныне может беспрепятственно вернуться в свое жилище. Став свидетелем его поучительных приключений и злоключений по пути к «родным пенатам», мы прощаемся с ним в комфортабельном номере типичного западногерманского отеля, в дверях которого его встречает услужливая голубоглазая горничная. Безошибочно уловив в ее голосе «восточный» акцент, постоялец участливо осведомляется: «Вы тоже выбрали свободу, фрейлейн?» — «Труд приносит освобождение», — без тени иронии отвечает ему девушка.

Воистину блаженное неведение кровавоточащей вчерашней истории собственной страны несет в себе эта молоденькая уроженка ГДР. И как, спрашивается, герою Эдди Константина в такой ситуации избежать приснопамятного соблазна Яна Гуса: соблазна на пороге небытия умилиться «своятой простотой» своих современников и современниц, на исходе XX века, как и на исходе XVI, не ведающих, в каком мире живут и что в нем творят?

Надпись над воротами Освенцима ныне знает весь мир. И все же кто осмелится утверждать, что совсем беспочвенна тревога французского художника-гуманиста, уверенного, что из всех видов забвения едва ли не худший — забвение истории и ее уроков?

Николай ПАЛЬЦЕВ.

ОДНАКО

Е СЛИ еще вдруг найдется наивный человек, который захочет доказать, что сценарист — главная фигура в кино, остановите его. Занимая по какой-то нелепой традиции первое место в титрах, киносценарист на самом деле стоит едва ли не на последней ступеньке студийной иерархической лестницы. С девчонкой, вчерашней семиклассницей, орудующей за монтажным столом, общаются в сотни раз уважительнее, чем с автором фильма, который ей поручено склеить.

По недавнему признанию журнала «Америка» (см. статьи о 100-летию Голливуда), и там рейтинг киносценариста не идет ни в какое сравнение с престижем режиссера, продюсера, оператора, музоформиста, костюмера и т. д. вплоть до гримера. И там автора третируют, обманывают, не стесняясь кромсать его сценарий, как хотят, лезут к нему в соавторы. Только платят американцу больше. А в остальном все, как у нас.

Неудивительно, что когда объявляется очередной конкурс на лучший сценарий, эти парии киноиндустрии устремляются к своим столам и достают самые заветные замыслы, либретто, сценоскопии. Авось наконец-то повезет! Авось впервые в жизни не придется краснеть и потеть, проклиная себя за интеллигентность, намекать шельмередктору или хамоватому режиссеру о соавторстве и половине денег... А кроме того, будет шумная презентация, цветы, поздравления, телевидение, зависть соперников.

Так было и на этот раз, когда объявился «Приз Эйзенштейна». Девиз его, разумеется, звучал весьма красиво, говорило о чем-то о желании «помочь», «обрести», «оживить», «содействовать», но трезвые, закаленные в кинематографических штормах сценаристы уже прикидывали, каков будет курс немецкой марки к моменту завершения конкурса. Снова лихорадочно застрекотали машинки...

Незадолго до объявления результатов конкурса московские кинематографисты получили нежное письмо с

силуэтом Ники, где с потрясающей, изысканной вежливостью и теплотой сообщалось, что Торжественная церемония переносится на один день.

Я давно не получал таких писем. Оно кружило голову, очаровывало, и я бы не удивился, если бы оно пахло «Шанелью номер 5» и наигрывало, подобно заграничным рождественским открыткам, какой-нибудь мотивчик.

Как должен был поступить после такого письма участник конкурса?

Звонить в Гильдию сценаристов? Как-то неловко, боязно. Еще сглазишь. Спугнешь. Или ляпнут: ты проиграл, старик! Нет-нет, лучше подождать. Они сами тебя найдут. Они, наверное, не успевают. Готовят конверты. Печатают тебе поздравление.

Но можно было, изменив голос, позвонить в Бюро обслуживания ЦДК: мол, как там с конкурсом? Билеты где, мол, выдают? На Торжественный вечер, где Удовиченко или Вертинская будут разрывать таинственные конверты и оглашать имена счастливых?

Ты проиграл, старик!

Но в ЦДК пробормотали что-то невнятное.

Пришлось ехать на Васильевскую, 13 лично.

В бюро обслуживания сделали круглые глаза: а причем здесь, собственно, драматурги? Вы, сударь, член академии «Ника»? Нет? Тогда пардон.

Оставалась дирекция «Ники». Здесь признались честно: «Ника» отношения к конкурсу не имеет! Все билеты у немцев. Они платят. Они приглашают своих гостей. У них своя, так сказать, тусовка. И действительно, как-то так получалось, что сценаристы тут ни при чем. Путаются, понимаете ли, под ногами. Участники конкурса на торжественный этот вечер приглашены НЕ БЫЛИ.

Стоит ли искать аналогии, представляя себе финал футбольного турнира, где проигравшую команду выгоняют с поля, прежде чем наградить победителей? Ринг, откуда спроваживают соперника чемпиона? Корт, с которого выводят игрока, только что достойно боровшегося с победителем?

Вспомним лучше старый одесский анекдот: «Жора, я нашел макинтош». — «Так тащи его сюда!» — «Но в нем человек». — «А ты человека вытряхни!»

И действительно вытряхнули.

А теперь вопросы к жюри. Где можно ознакомиться с заявками-победителями? Пусть соперники поучастия, наберутся, так сказать, опыта, как надо писать по-настоящему. По-чемпионски.

И еще один очень серьезный аспект конкурса. Известен случай, когда на сценарном конкурсе, еще в Сценарной студии Госкино СССР, один из ее редакторов преспокойно выкопал в куче отвергнутых сценариев интересный сюжет, переицеживал его (но даже не догадался изменить имени главного героя), отнес на «Мосфильм», и, взяв в соавторы известного драматурга, выпустил на экраны достаточно нашумевшую в те времена производственно-молодежную картину (подробности плагиата при желании могут быть сообщены автором этих строк).

Кто же охраняет авторское право конкурсантов? Есть ли гарантия, что идеи, замыслы, сюжеты, так доверчиво врученные жюри, не станут легкой добычей плагиаторов, которые на заявки победителей покуситься побоятся, а на проигравших не постесняются поживиться?

Полагаю — это далеко не исчерпывающий перечень вопросов, которые нуждаются в ответах. Слово за организаторами конкурса. Его ждут многие драматурги-профессионалы.

Анатолий КОЗАК.